

УДК 930.2

[ЗАПИСКА КУПЦА ИСАЕВА]

Татарские купцы в течение многих веков ездили с торговыми делами в Китай и среднеазиатские земли. Например, нам известны имена татарских купцов, ездивших с дипломатическими и торговыми целями в XVII в. в Индию, об этом свидетельствуют «Путевые записки» Насретдина Мирзы, Йусуфа Касимова; в XVIII в. в Индию ездил путешественник Исмагил Бекмухаметов и др.

Татарские купцы-путешественники продолжали свои поездки и в первой половине XIX в. в еще незавоеванные области Средней Азии. Конечно, не каждый купец оставил после себя путевые записки, но изредка некоторые из них делали записки о местах своего пребывания. Например, сохранились записки купца татарина Исаева, который в 1824–1830 годах побывал с торговыми и иными целями на территории Киргизии, конкретно в районе озера Иссык-Куль.

Вопрос интересен тем, что Исаев первым из россиян познакомился с загадочным озером, называемым «Иссык-Куль». Из разговоров с местными жителями он установил место затопления строений древнего города на дне этого озера и оставил описание своих наблюдений и ориентиров развалин города на дне Иссык-Куля.

К сожалению, эта интересная история затонувшего города для наших историков и тем более читателей до сих пор почти не известна.

Поэтому думаем, что публикация заметок татарина Исаева будет интересной во всех смыслах.

Данная рукопись купца Исаева попала в руки Чокану Валиханову – казахскому дипломату на русской службе, и вместе с его рукописями оказалась в архиве Академии наук Казахстана (ф. 23, оп.1, д. 22/5, лл. 1-21). Составители пятитомного собрания сочинений Ч. Валиханова включили рукопись путевых записей Исаева в III-й том его произведений в качестве интересной публикации по истории Средней Азии. Сам Ч. Валиханов не оставил письменного изложения своего мнения по поводу «Записок» Исаева. Он даже не упоминал, что автором записок был татарин. Русский ученый из Киргизии Василий Плоских в своей монографической работе «Исследование «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути» (Бишкек: КРСУК, 2013, стр. 7) определяет национальную принадлежность Исаева как татарина. На эту мысль наталкивает и круг общения купца, в который входили несколько татар (например, Капсалам Инияз из астраханских татар) (Ч. Валиханов. Собр. соч., III том, с. 303) и др.

В своих записках Исаев причислял себя к выходцам из города Булгарии¹. Выходит, Исаев не только по фамилии, но и по происхождению является татаринном (мишарином), поскольку фамилия Исаев традиционно принадлежала татарам-мишарам. Они яв-

ляются выходцами из д. Ямищи Темниковского уезда.

Записка Исаева о поездке на таинственное озеро Иссык-Куль обогащает историю татарской литературы XIX века именем ее автора и его описанием путешествия в загадочный район Киргизии. Произведение Исаева написано простым языком и является ценным источником по истории начала татаро-киргизских отношений нового периода. Поэтому мы решили донести этот литературно-публицистический памятник до внимания современного читателя. Таким образом, почтим память нашего земляка за его ценный рассказ, оставленный будущим поколениям почти двести лет тому назад.

М.И. Ахметзянов, доктор филологических наук, профессор

В 1824 году в феврале месяце случился отъезд мой из Семипалатинска, и в 1830 году в июне месяце в первых числах [я] приехал обратно. В течение сих годов объясню вам на сем мое путешествие.

За 43 дня пришли с караваном [к] Большой орды юсунцам, ведения султана Аблая Адилева*, кочующего тогда по реке, называемой Терсаккан. И остановился я с караваном своим у султанского теленгута по имени Капсалам Инияза, который из астраханских татар, где проживал для торговли с лишком три месяца; откуда пошел с караваном в город китайский, называемый Иля (киргиз-кайсаки называют сей город Кульджа); откуда в девятый день прошли через пикет их, называемый Бурахожур², и пробьли в городе с лишком месяц.

Как уже по их обыкновению есть, от каравана и султанов принимать в подарок лошадей, чтобы лучше и вольнее получить за скот из казны

лучшими товарами, за оное их губернатору, жанжуну³, привели четырех лучших лошадей. Когда нас представили с конями их города начальнику, я был в числе четырех человек [у] упомянутого жанжуна. По принятии нашего подарка был сделан для нас обед, угощали, как следует по их обыкновению. Товары наши были приняты в казну, и за них мы получили чай, серебро, бязь шанскую и дабу. Когда мы с караваном кончили торговлю и следовало нам истребовать на проезд письменные виды через их пикеты, которые [лежали] на пути нашем, тогда были призваны к их жанжуну; выдали нам в знак благодарности при письме к Аблаю один кусок с золотыми цветами канфы, они ее называют манлык, и при ней три куска разных цветов канфы, несколько чая, крупы сорочинской и разные мелочи; [мы] и не полагали, чтоб нам за лошадей получить на такую сумму подарков.

И откуда пришли благополучно с караваном к султану Аблаю Адилеву, где торговали на разные товары, [на] зверя⁴, а именно: лисицу, волка, куницу и мерлушку, которые товары выменены обратил в Семипалатинск. А вымененных баранов и лошадей в сентябре месяце пошел значительный караван от помянутого султана Аблая Адилова в город Кашгар, куда и мне судьба велела для предмета⁵ побывать. И для провозжания до реки послал с нами султан сына своего по имени Акинбек*.

И откуда мы на третий день пришли на берег реки Или, где тамошние народы содержат перевозки, по своим обыкновениям [они] сделаны до десяти паромов, только не веслами [ими] управляют, а привязывают к четырем лошадям за гриву и так перевозят через реку. Условились с перевозчика-

ми, чтобы отдать им с триста баранов одного, а лошадей перегнать вплавь и за оных не полагая платы (в караване было тогда баранов тысяч до сорока). На седьмой день переправились через реку благополучно. Сыну султанскому от каравана подарили 5 аршин сукна алого за то, что он нас проводил до означенной реки и не было никакого самовольства, и откуда он обратно поехал, а мы с караваном пошли своим трактом. И на тринадцатый день от реки пришли к дикокаменным киргизам, которые кочевья имеют между двух даванов*, или, так сказать, больших гор, около Алатау, занимают большое озеро, которое имеет езды вокруг (объехать скорой ездой) шесть дней и никогда не мерзнет и не покрывается льдом. Они называют оное озеро Иссык-Кулем, это значит горячее озеро; вода в нем чрезвычайно светлая и горькая для пищи человека (и довольно рыб разных), а для скота никакого вреда не бывает; в которое с обеих сторон из гор впало многое число рек, а более с левой. А именно: первая река, впадающая с левой стороны – Тюп; вторая – Джиргалан; третья – Аксу, четвертая – Кызылсу, пятая – Джетьюгуз; шестая – Закучук, это значительные реки, о прочих я уже не говорю; где нас встретили оные жители за полдня [езды] до их волостей, значительных у них манапов, или, сказать, биев, до двухсот человек, султанов у них нет во всей орде, а управляют ими сии манапы.

Караван наш разбился по лучшим манапам, и по обыкновению тамошнему, я остановился у одного манапа по имени Олжебай, был принят и [оказалось, что] по случаю за Аблаевым отцом Адилем была в замужестве родная сего манапа Олжебая сестра (от нее есть один сын по имени

Тавке-султан или тюря), и по случаю сего было послано письмо от Аблая, чтобы караван приняли и проводили до безопасного места и не было бы воровства, как у них народ к воровству имеет склонность. По приезде к ним на третий день приехали ко мне несколько из лучших манапов, человек до сорока, которых я [как] степных гостей принял и хозяина своего просил поставить для них две юрты. Когда приняли оных, угощали наперво чаем, а после приготавливали для них [кушанье], приказал четырех баранов заколоть, сделан был плов из сорочинской крупы, старался для них показать разные угощения и занимал разными разговорами и предлагал им тут же, чтобы они были небезызвестны российскому правительству. Они приняли сие мое предложение с удовольствием. Когда начали собираться к отъезду в свои аулы, тогда я сделал им подарки: лучшим тринадцати человекам манапам, каждому [дал] на чекмень сукна и верверету, а прочим бывшим людям – по одной бязи [и] разные мелочи.

До приезда еще в их аулы наслышался я, что у них есть один полонник⁶ русский, уже несколько годов, которого просил, чтобы они согласились отдать мне; да и с тем же вместе, чтобы ехать из лучших манапов или детей своих послать к российскому правительству, в чем и дали верное слово исполнить то и другое.

На третий день приехал самый значительный их манап по имени Есенаман, второй – Ажибай, с восьмью человеками, привезли с собой этого пленника русского, которого я принял и [их] особенно благодарил. И тут же объяснили они мне, что согласны послать своих детей, но только с тем, чтобы пробыть у них до обратного приезда послов, на что я был согласен.

На седьмой день сделали отправку послов, и я с ними послал этого русского человека, написал с ними письмо в Омск господину Семену Богдановичу Бронеvскому о сих многочисленных народах и пояснил о положении их кочующих мест, хлебопашестве и грунте земли, орехах, хлебах, и имеют они водяные мельницы по разным речкам; [поехали] восемь человек на своем содержании; и куда были доставлены и приняты с большим удовольствием, и за оное [я] получил монаршую милость. Тогда было на руках у меня до двух тысяч баранов, несколько лошадей, следовало оных продать через двадцать три дня после отправки депутации. Упросил я, чтобы проводили караван до безопасного места, на что Есенаман, Олжебай и Жапалак согласились проводить до гор Кайчи-тан (даван) и Бедель-тан (даван), откуда мы с караваном отправились благополучно.

На тринадцатый день пришли мы в китайский пикет, называемый Уйбулак, под городом Уш-Турфаи, где три дня пробыли на пикете, как по их обыкновению [следует], сделали перепись как людям, равно и скоту. Офицер их послал при караване четырех человек провожающих китайцев, которых называют пашилганы. Того дня не дошли до назначенного города, ночевали на берегу реки, называемой Кокшал; течение [она] имеет на восток, река большая, по оной довольно леса, называемого чирганак⁷. На другой день пришли в крепость китайскую, которую называют кульбах, где вышли чиновники китайские, называемые дела, и при них хакимы⁸ Муса и Баширбек для получения положенных у них в сих городах ханом со скота пошлин: с тридцати баранов – один, а с лошадей и быков – по двадцати пудов (по расчислению значит двадцать

четыре копейки). Я заплатил пошлины восемьдесят семь баранов и две лошади. По отдаче пошлин был призван к их города начальнику анбалу⁹; при мне был один человек из моих товарищей по имени Сарымсак, уроженец кашгарский. Когда мы пришли к нему, по обыкновению их, становились на колени, после клал он правую руку на левое плечо и приказывал нам сесть, [затем] приказал подать по чашке чая и начал занимать разговорами: 1) благополучно ли могли пройти муртов¹⁰, это они называют тот народ, который нас провожал, не было ли вам от них каких обид; 2) бывал ли я в городе Иле, потому что он тамошний уроженец; 3) много ли шли дней от реки упомянутой Иле; 4) где я родился (у меня был на вопрос ответ изготовлен, отвечал, что я уроженец города Булгарии, хотя его вовсе и не знал); 5) имя мое; 6) много ли расстояния или дней шли от реки Иртыша; 7) какие есть народы на сем пути; 8) какие товары вам нужны для покупки; 9) объяснил: где угодно будет вам продавать в Шести городах, я прикажу выдать вам письменные виды на проезд по городам для торговли.

От каравана было [дано] три лошади в подарок, по их обыкновению, пара лошадей для анбу, одна – акинбеку¹¹; тут они нам вынесли два куска канфы, два чая, четыре бязи и один мешок крупы сорочинской, все сие с благодарностью приняли.

Город сей, Уш-Турфан, небольшой, но местоположение самое лучшее, жители тут живут по разным местам и имеют большое хлебопашество, положение мест самое плодоносное; и где от города крепость, или кульбах, поставлена на горе, с одной правой стороны выходит утес, вокруг обнесена стеною из кирпича, жженного на солнце, имеет три башни, расстояние

в окружности, надобно полагать, часа два езды. Жителей в сем городе до трех тысяч, леса разные и фруктовые деревья садовые.

Мы через несколько время получили письменные виды, вроде паспортов, с приложением ханской печати на проезд городов. На пути сем, в двух днях езды, есть город Аксу, [расположен] на левой стороне реки Кокшала, в нем жителей довольно, имеет [удобное] положение для плодородия, места отличные, жары не бывает. В сих двух городах по случаю, что подошли горы снежные, или ледяные, с обеих сторон, хотя реки и замерзают, снегов не бывает, только в одно время падает снег в феврале месяце, калмыки называют чеган-сары, это белый месяц, и по их считается новый год.

Третий город Яркенъ, расстояние имеет от Турфана десять дней скорой езды, на пути [расположено] девятнадцать пикетов, которые называют уртенъ; в сих уртенях бывает китайцев человек по двадцати и один офицер, где есть жители домов по двадцати [в каждом] из поколения долонов. [Они находятся] в распоряжении китайцев – гоняют подводы.

Сей город Яркенъ есть город отличный, старинный и многолюдный, когда в прежние времена китайцы завоевали сии города, тогда было в нем жителей тридцать две тысячи, стоит он на берегу одной реки, из которой выпускают воду в гафузы¹² в лето три раза; вода в одной нечистая и нездоровая, по случаю какие-то есть маленькие черные червяки, отчего процеживают [воду] через полотенце, однако ж у жительствующих народов как мужского пола, равно и женского бывают большие пухоки – и это сказать или перевести – зобы; вокруг он обнесен стеною, [которая] имеет пять башен, по окружности, должно пола-

гать, езды часа три или более. В сем городе Яркене есть две редкости: первая – посреди города поставлен замок, или медресе, [он] выстроен из жженого кирпича весьма искусным образом и большой величины в вышину, где, есть слухи, может человек двенадцать втиснуться вверху, на котором для любопытства и я сам был; есть вверху на трех сторонах надпись на голубом камне, кажется, с одной стороны – по-монгольски, а с другой – по-азиатски*. Когда бывает приезд больших китайских чиновников, тогда посылают из орды [в] оакама, т.е. во дворец, человек до десяти играть на духовых инструментах. Случалось спрашивать у стариков тамошних жителей, кем это здание было поставлено, они говорят: осталось от прежних ханов; вторая есть из белого камня сделанный конь в натуральную лошадь величинной, весьма искусной работы.

Город Кашгар в правой руке от Яркеня на запад стоит над одной рекой, в которой реке вода красная или, сказать, желтоватая, тоже многолюден (говорят, 16 т. было народа), три дня езды от Яркеня, местоположение хорошее, но только в нем жители не таковы, как в Яркене, умеют обмануть.

Город Хотан [расположен в] шести днях езды от Яркеня на восток, тоже по разным местам есть довольно число жителей, места подошли песчаные; жителей было довольно число, в то время, когда китайцы завоевали сии города, то [в них] было по 16 тысяч народов. В сих двух упомянутых городах случилось замешательство в бытность нашу через 73 года* с Жангыр-хожой¹³, можно полагать, как должно [было] умножиться [численность] народов. В то же время воду в сих городах разносчики по домам носят, каждый дом по разделению у них [отнесен к определенному] кварталу,

эти люди называются из поколения балта. В Яркене хотя и каждый день бывают базары, однако ж съезд базара бывает каждую неделю в пятницу, т.е. жума, очень довольно бывает наезда, привозят своих рукодельев, разных бумажных холстов, или даб, и бязей и пригоняют сарыколов*, [так] называют живущих по горам скотов, котасов и баранов другого рода, шерсть на них длинная, бывают белые. В сих городах управляют народами жалованные от китайского двора князья, они называются акинбеками, они состоят в правлении китайцев. В сих же городах крепости китайские бывают от городов на особых линиях, имеют военные народы, каждый год смену, и управляют ими в каждом городе анбалы.

Угнанных баранов продавали мы в сих городах на серебро и деньги; их медные монеты называются теньга, пятьдесят штук из красной меди, на одной стороне [их] подпись китайская, а на другой – азиатская, которые только в сих городах ходят. А покупка товаров была для нас больше в Хотане по случаю там машуруки шанской* и бязи самой лучшей доброты, и можно против прочих купить выгоднее. У китайцев положено: в сих городах получают они с жителей ясака бязями шанскими и хлебом, разным зерном.

Из города Хотана есть город Тубет¹⁴, который [расположен на] расстоянии тридцати дней [езды] от Хотана на восток, сей город не в правлении китайцев, у них есть свои управители. Из одного города можно проехать и в Индию и в Кашемар¹⁵. В городах же Яркене, Кашгаре и Хотане, в которых управление китайцев, господствующий есть закон магометанский, однако все прочие законы там имеют совершенную вольность, потому что китайцы, которые владеют сею землею, не терпят, по совести,

чтобы кто обеспокоен был у них для закона. В бытность нашу в сих городах шли слухи, что будто идет войною из поколения каких-то ходжей по имени Жангер-ходжа. Мы имели через сие большую опасность, чтобы не остаться в мятеже, старались отправить товары в город Уш-Турфан, выхлопотали у акинбека на проезд письменные виды и успели выехать из вышеупомянутых городов.

На девятый день приехали в Турфан, где уже наши товары были доставлены, и получили оные исправно. По приезде и тут тоже слышим в народе, [поэтому] старались поскорее убраться, собравшись, пошли к турфанскому акинбеку Мусе просить на выезд через пикеты виды. По их обыновению тамошнему, вносят [ему] хлеба; [мы] взяли с собой оные, прибавили портища два хорошей индейской¹⁶ шелковой материи, с тем вместе просили их о сем нужном для нас выезде. Они дали нам обещание, что в короткое время можем получить на проезд виды, и на седьмой день [мы их] получили и успели с караваном выйти, но только того дня не смогли переправиться через реку Кокшал и не успели пройти их пикеты, остановились ночевать на берегу реки Кокшал, видно судьба нам велела. Вдруг в ночи акинбек Муса и китайский офицер с несколькими военными людьми приехали в караван, как у конского табуна нашего, равно и людей тотчас собрали, сделали счет и поставили строжайший караул, отобрали у нас виды письменные, причины нам еще не объявили, все мы перепугались, не знали, что и начать. После, на рассвете, приказали каравану вьючиться и обратили нас с караваном.

Наперво пришли мы в крепость китайскую, называемую у них кулбах, товары наши склади в казенный

дом, лошадей отдали в руки китайцам, самих [нас] рассадили по разным местам. Вот нам было тепло и жарко, всего лишились. Причины нам не объясняют, принуждены, как овны, лежать во дворах. Назавтра поутру рано собрали нас в одно место, а после приводят перед анбалом и тут нам объявили, что получено из Кашгара сведение, что уже Жангер-хожа несколько пикетов их порубил и в город взошел, по случаю сему не велено из городов караваны выпускать, равно как и со степи впускать. И нас самих и товары наши отдали акинбеку Мусе на руки. Когда мы выехали из крепости, то приказал (акинбаю) остановиться у своей орды (орда значит дворец) и сделал распоряжение: приказал нам отвести квартиры мынбашей (значит тысячью человеками управляет), лошадей отобрали в казенный табун, и приказал, чтобы каждый день доставляли ему о нас сведения, а в неделю каждую приказали нам собираться самим к нему лично с объяснением, что мы живем и обид никаких не видим; а после выпросили мы позволения, чтобы нам торговать, что нам и было разрешено.

В сентябре и октябре сих двух месяцев пришли войска китайские тысяч до семидесяти, остановились в сих двух городах – Аксу и Турфане, где простояли до белого месяца, чаган-сары, это февраль месяц. Во время сего сделалась всему дороговизна, особенно на съестные припасы, а через это мы доставляли для войска разные припасы, а за оные получали серебром. Нарочно скажу вам или объясню: два барана продавали за ямбу серебра, и мы через это умножили капитал, нам было позволено перепродавать, а после положено с нас было в месяц платить по три деньги с человека, пятьдесят снопов сена, одну четверть ячменя

и употребляли наших лошадей в подводы, это все, словом, было положено для войска. Главкомандующий был у всего войска, называемый жунтак, которого они носили на носилках, сделанных из долгих жердей, и на середине [было] сделано вроде шатра из темно-голубой канфы, на все четыре стороны [имелись] из стекла окошечки, несут его двадцать четыре человека, за ним везут его коляску, запряжен под оную качир или лошак; верховых его двенадцать лошадей ведут пешие люди и при них есть один офицер. Через несколько времени успели они обратить сии завоеванные города Кашгар, Яркенъ, Хотан и не через долгое время успели поймать бунтовщика хожу Жангера (между Кашгаром и Анджияном¹⁷ есть место, называемое Алай) с небольшим при нем войском, которые были привезены к жунтаку в Кашгар, и после его одного повезли в Пекин, а прочих его товарищей казнили; тут, когда его лично спросили, кем он мог воевать, то он показал, что ему давали случаи живущие по городам анжияны¹⁸, это значит заезжие торговые ташкентцы, тогда было довольно число оных. Как осведомился о сем случае их жунтак, то разослал по всем городам указы, чтобы живущих анжиянов всех переказнить. Тогда управляющий городом Турфаном анбу получает указы и должен сделать по ним выполнение, а мы еще ничего не слышали.

Поутру в один день нас собрали всех шестьдесят семь человек, в коих было два ташкентца, и я тут же в [их] числе, наперво к хакиму в орду, а напоследок приказали нам быть в крепости, или кульбахе. Когда собрались чиновники к анбе, то вышли к нам несколько военного народа и разобрали нас, поодиночке рассадили.

Поутру рано погнали нас, как скотов, за каждым человеком [шли] по четыре с обнаженными саблями солдата или военных китайца, привели нас всех в тот дом, где у них бывает правление и выходит анбу, разоставили нас на камне, которым устлан пол, на колени. Через несколько время вышли анбу и хаким, тут же принесли несколько оков, из числа 67 на 17 человек, положили оковы по приказанию хакима и тогда начали нам, ни в чем невинным, объявлять, что получен от жунтака указ: анжиянов велено всех казнить. Получили нерадостную весть, которые были в памяти, а иные уже без ума. И напоследок сказал мне: крайне вас жалко, и хаким мне тоже о вас донес, что вы служили для нашего войска, однако ж я должен выполнить ханскую волю. И приказали опять рассадить, а окованных увели от нас в особые места, где и содержались [они] восемь суток. На девятые в ночи были выстрелы из пушек (у них называют поры), это тогда, когда приходит ханская почта, то всегда бывают выстрелы.

Поутру рано собрали нас и повели опять в тот же дом, вот тут было отчаянье жизни, поставили на колени. Через короткое время привели товарищей окованных и начали объявлять, что на сегодняшней день назначена вам казнь, но как вы невинные, то бог вам помощник и хан вас прощает; от хана получено, что без воли ханской никто не может казнить и вместе с тем начать не получать в казну со скота пошлин (вроде маклерита).

По счастью нашему, был тогда анбу человек добрый и великодушный, да и хаким Муса для нас делал добро. Это случилось, объясню вам, вот от чего. Когда взяли города обратно, то жунтак много народа порубил, тогда при нем был из Пекина Секен-

дер Увана, родной его племянник, то он донес хану из Яркеня города, тогда оным управлял, что безвинно погибают народы, через это и было запрещено, и мы избавились тут от наглой смерти.

Время проходило тут, с лишним три года были [мы] не выпускаемы, после этого вскоре был послан я от анбу на сорок дней (т.е. карал), срока было дано нам двенадцати человекам, чтобы наменять баранов и пригнать в сей город по случаю дороговизны. Вот накупили товаров и поехали в орды муртов и наменяли баранов. Я смог успеть попрежде пригнать с товарищем до трехсот баранов и в тридцать семь дней воротился, вдруг [неожиданно] продали на двадцать ямб серебра по тринадцати за ямбу, вот какое было время! А когда нагнали довольное число, по пятьдесят продавали, а за то, что я смог обратиться скоро, получил награду от анбу. Когда уже эти дела установились на порядок и можно было выезжать, то мы просили акинбека, чтобы он нам выхлопотал позволение на выезд, и на тринадцатый день нам вышло повеление, что можно нам выезжать. Тогда купили разных товаров, какие для нас нужны были, изготовили также лошадей и выпросили на проезд письменные виды, с караваном и отправились, и где случилось с нами [следующее]: на девятый день начали переходить гору, называемую Ешекарт, вдруг набежали на караван человек до двухсот разбойников родов тенемсеит и бугу, все у нас имущество отняли, из числа семи человек уже несколько раненых было, и оставили [нас] нагих. Тут-то нам жарко было! Кое-как присобрали крепко раненых и пошли в горы, где девять дней странствовали, питались тем, что только могло в горло проходить. А после кое-как призаправились, все [были] пеши и

наги, и думали, как бы дойти до тех народов, которые нас провожали.

Не доходя четырех дней до их кочевьев, [на нас] вторительно наехала шайка разбойников поколения саяковцев и разделила нас всех по рукам, дали нам приодеться кошемные кафтаны, тогда и им были рады, что одели, напоследок привезли в свои аулы. И я тогда, в первой нашей баталии, был ранен в ногу и разбит, однако, несмотря на то, что я хром, посылают за дровами, принуждены волю их исполнять: когда судьба велела быть, должно повиноваться.

В некое, время пришел тут караван из города Аджияна, который должен проходить через оных¹⁹, я упросил одного торгового, чтобы он доставил мое письмо, и дал он бумаги и чернильницу, в коротких словах мог написать к султану Аблаю Адилеву, который, известившись о моем несчастье, тотчас прислал четырех своих людей, узнали оне, где я нахожусь и у кого именно, однако ж они у их манапа²⁰ остановились и начали от них меня требовать от имени Аблаева, однако через некоторые обстоятельства согласились выдать из плена.

Когда меня привезли и отдали им на руки, то из них один, видя мое крайнее несчастье, и прежде был тоже знаком, снимает с себя рубашку и халат и надевает на меня, и при всем том сапоги отдавал, но их мне нельзя было надевать. Итак, отправились от моих приятелей и на девятый день приехали. Когда донесли султану, что привезли меня, приказал привести перед себя. Коль скоро я пришел к нему в дом его, увидя меня, приказал подать платье разное и одел меня, к тому же еще призвал к себе одного лекаря, который был из поколения торгоутов, однако ж человек богатый, имя ему Бек, которому приказал меня лечить

и содержать у себя; откуда я уже с позволения султана написал через торговых в Семипалатинске письма брату своему родному, купцу Павлу Андреевичу, о случившихся со мною несчастьях.

По получении от меня письма, к счастью моему, тогда случился приезд в Семипалатинск господина сибирского генерал-губернатора Ивана Александровича Вельяминова и вместе с ним благодетеля Семена Богдановича г. Броневского, лично взошел брат мой с подачею прошения, на которое тут же и получил резолюцию г. генерал-губернатора, письмо к султану Аблаю Адилеву.

Получа он, Адилев, письмо от губернатора, тут же сделал распоряжение: послал к тем хищникам, которые нас ограбили на значительную сумму и всего лишили, что я имел в руках; но он ничего не мог мне от них получить, а только мог написать от себя письмо г. губернатору с тем вместе, что они его не слушают, и дал мне самого лучшего бия для доставления меня в отечество. И я через несколько время доехал в Семипалатинск и с первоотходящей почтой при прошении письмо послал г. генерал губернатору, и на оное я тоже получил письмо к султану и никакого удовлетворения не мог получить; и теперь остается мой капитал в руках тех хищников, а здесь, что имел – дом и прочее имение – всего лишили меня хищники здешние правосуды, и теперь [я] девятый год странствую и питаю надежду на свое правительство.

Еще возобновлял подачу прошения г. генерал-губернатору князю Петру Дмитриевичу Горчакову, на которое получил резолюцию в Аягузском приказе, чтобы удовлетворить меня избитого и всего лишеного, но оное остается, видно, тщетным.

Из Пекина через город Куша²¹ идет дорога в город Аксу, а после провозят товары в разные города: в Кашгар, Яркенъ и Хотан на телегах и на верблюдах, дороги чищенные, только земля сама мягкая. А из города Иля (азиатцы называют Кульджа, в тех городах этого названья совсем не знают) есть прямая дорога в город Хотан, из Аксу – самая близкая, но только верхами и вьюками, потому очень песчаная, мне случилось два раза проезжать, и вод довольно на пути. В бытность мою от города Аксу – Яркеня – Кашгара на пути жили народы, называемые долоны, на местах Байчин и Аксак-Марал* их было до восьми тысяч, у них был особенный хаким по имени Садибек*, он человек был пожилой, имел у себя ханскую тамгу и управлял сам сим народом. Мне случилось у них быть в доме несколько раз, жили они по разным местам, имели большое скотоводство – овец, [но] не того рода, как киргизская овца, а этот род – белые с хвостами, у них шерсть длинная и мягкая, и хлебопашество [есть] также, покупали и нашего пригона баранов. У них места привольные, на зиму приготавливают для овец с деревьев лист, когда оный будет залиться с лесов, еще косят камыш самый мелкий и снимают оный три раза в лето и называют оный кашмир.

Но только случилось над сим народом, когда завоевал хожа Жангир города, то, [что] они взбунтовались и думали по своему уму, что он вечно будет управлять, а когда китайцы обратили в свое правление города, то оного народа многие разбежались по разным местам, а их глава ушел с несколькими числом народа в Кокандское владение, имел у себя четырех сынов, из коих двух убили китайцы, уже одного из них видел я здесь, приезжал в Чугучак с ташкентцами ра-

ботником, я его очень знал, и там они жили весьма хорошо, имели большое скотоводство.

Я надивиться не могу сему народу, какая им дана управа над народом²², и ни в чем китайцы им не запрещают как в своих законах, а равно во всех обрядах, а все хотят, чтоб сделать свой ислам. Еще мне за редкое казалось в сих народах и городах обряд старинный: ежели нужно быть у начальника или у приятеля, или родственника, то должно купить девять хлебов и с ними быть, а в харчевнях нарочито приготавливают большие хлеба и называют орда-нан*, и когда нужно нести, то кладут [его на блюдо, ставят] на хорошую скатерть и [получается] кругло и [закрывают] вдоль, который [т.е. такого вида подарок] называют хон, и мальчик несет, нарочито в харчевнях употребляют, мне показалось весьма за лучший обряд. Особенно в сих городах и селениях или по проездным дорогам никогда грабежей и воровства не бывает, ежели на пути иногда оставляют товары или вещи и приедет хозяин, то все бывает в целости, хотя через долгое время, это тоже мне за редкое казалось.

Еще мне случилось узнать в Яркене, один из русских сказывает, что был офицер увезен и продан из Бухары в Хиву, оттуда и бежал, имел трех сыновей, уже пожилых лет, умел писать и читать по-русски, сказывает, около сорока годов как уже в Яркене жительствоет, ему весьма хотелось уехать на Святую Русь и отдавал большого сына со мною, но по обстоятельствам выездом со мною не успел и остался от меня на чужой земле. Русское имя было Максим, а там зовут Пир-Мамет. Он мне сказывал, из какого рода отдан на службу, из какого города, губернии, и написал своей рукой, но его записка у

хищников с товарами, в ящике с делами осталась.

Через горы есть переходы в город Уш-Турфан от озера Иссык-Куля и горы Алатак²³, а именно: первый – по реке Джиргалан, второй – по реке Аксу; по сей реке в вершине есть фруктовые деревья – яблони и довольно число родится яблок, и тут же есть в трех местах текущие теплые воды: первые – из-под камня, тут есть пещера, складенная из камня, у которой были створные деревянные двери, потолок сделан из бревен (и в бытность мою одна сторона потолка упала); из камня сделаны лежанки, на дверях вырезаны печати, и вокруг оной [пещеры] насажены яблони, где приметна паханная земля, какие-то жили пустынники, как приметно изо всего, а по печатям, что не походят на азиатские литеры*, а более походят на монгольские или других народов. И вода имеет течение с правой стороны в сию реку, а другие две воды – с левой стороны. Сии реки имеют течение с утеса, [поднятого на] вышину аршин пять от земли, одна от другой [расположена на расстоянии] не более сажени, [воду] льют весьма быстро, и [ключи] так горячи, что неможно терпеть. И мне случилось быть в декабре месяце на сих реках, и по сим вышеупомянутым рекам переход идет через реку Куяли, и совокупитца одна дорога через гору, называемую Куяли, и через реку Кумарын; третий переход – по реке Кызыл-Су, четвертый – по реке Заукучак, и по сим местам довольно разных лесов и ледяных гор, и какие-то есть там испарения, которые называют тутек, когда должно переходить через сии места, то должно себя похранить, пища должна быть зеленый чай и толокно, сальную же пищу не должно употреблять, отчего может случиться вред жизни. Пятый

проезд прямо в город Кашгар, должно ехать по правую сторону этого озера, не заходя в эти города, дорога самая лучшая, только опасна; первое расстояние дальнее, второе – в малом числе нельзя идти, потому что на пути довольно разных родов живущих муртов, которые делают набеги на караваны. Упомянутые четыре перехода через первые горы Алатак от озера, которыми [кончаются] последние ледяные горы.

Переход в город Уш-Турфан: первый – Кайчи-даван, второй – переход Кукуртук, третий переход – через горы Бедель-даван. Из сих трех переходов ближе в город Кайчи; как сим переходом, так и Кукуртуком на верблюдах неспособно ни под каким видом, не может и простой взойти, а не только с тюками, кроме лошадей и быков, невозможно перейти. А Беделем можно переходить и на верблюдах, но только будет далее расстояние, а этими двумя можно на другой день прийти на пикет китайский.

Есть и прямая дорога в город Аксу, и самая ближняя, но китайцами запрещена и закладена камнями, с этой стороны переход через горы есть, называемые Уш-Каркаралы и Коктубе, а что сказать о сих горах, они богаты, украшены лесами разными: и фруктовыми, и травами. Сказывают тамошние жители, в прежние годы, когда они пришли сии места занять жительством, тогда зверя разного как сохатых, так коров сильные табуны ходили, и по речкам, и Илю там много находили в кусках золота, которое, должно, хранится и ныне.

Еще я видел редкость: есть у озера место, называемое Булун, по правую сторону реки Тюп, где она впала в озеро. Видимые в воде здания складены из камня, только надобно заехать на лошади сажени до двухсот, сказывают

эти жители о сих зданиях, что будто был город тут величайший*, и сделалось наводнение, и будто не было до того тут озера.

Ежели не нужно заезжать через Яркенъ в Кашгар, то, не доезжая несколько расстояния, можно проехать через город Янысар прямо в Кашгар, этот не в давних годах заселен, [расположен] в правой руке на запад.

Ежели неудобно пройти в города Уш-Турфан и Кашгар, то можно пройти по правую сторону теплого озера, т.е. Иссык-Куля, дорога, или проход, [идет] прямо, можно [идти], не заходя в города и не [доходя] гор; [это] самый лучший проход; можно пройти даже и в Ундустан, или в Индию, только будет город Бадахшан и останется часть, занимаемая киргизами в левой стороне гор Кызтан, уже оные будут против города Яркеня, только на пути есть река, называемая Нарын, быстрая и каменная, которую называют вершиной реки Сыр-Дарьи, потом перешла оная горы, которые лежат [у] города Кокании Анжияна.

Еще проход из города Хотана в город Тибет, который независим от

китайцев, там управляют сами. От Хотана 30 дней хода, только на конях, верблюды не употребляются по случаю гор. Оттуда можно пройти в город Кашгар и в Индию, это самый безопасный проход от разбойников и набегов закаменных киргизов, только надобно иметь как для себя харч, [так] и лошадям, потому есть неудобные места, нет кормов, это в малом расстоянии, кладут запас для лошадей – ячмень и кунак. Кони же более употребляются тибетского кряжа, потому они сродны для гор, они самого малого роста, называют их тутя, потому в Яркене [их] продают довольно число и весьма дешевыми ценами (у меня пара куплена в городе Хотане за 17½ денег, за пару 35 денег заплачено было, для одного были предмета, которые и остались у хищников в руках, и 4 котаса куплены были в Яркене, потому очень много пригоняют из гор продавать мясникам). Это думал все доставить Семену Богдановичу Броневскому, но оно не так случилось, лишен всего имущества, однако ж благодарю всевышнего, что остался жив от сих злодеев, отнимающих насильно жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается впервые по рукописи – ААН составленные казахскими текстологами из АН Каз. ССР. (ф.23, оп.1, д.22/5, лл.1-21). ААН – Архив Академии наук (Казахстана).

В конце рукописи имеется автограф Ч.Валиханова с припиской: «От купца Исаева. Капал, июля 24 дня 1856 г.».

Судя по всему, рассказ Исаева о его шестилетнем пребывании и приключениях в Кашгаре представлял огромный интерес для Ч.Валиханова, отправлявшегося в эти места. По его заданию текст был записан со слов Исаева, о чем говорят частые обращения рассказчика к своему собеседнику, вроде: «объясню вам мое путешествие», «скажу вам», «объясню вам вот что» и т.д.

Рукопись содержит ряд интересных сведений о торговле России с Китаем в первой половине XIX в., о городах Восточного Туркестана, восстании ходжей и, наконец, о маршрутах из пограничных районов в главные города Кашгарии.

Стр.117. *Аблаи Адилев*. – Здесь вкралась неточность. Надо читать: или Адиль Аблаев, или Кулан Адилев, ибо главным султаном уйсуней в 20-е годы XIX в. был Кулан Адилев, умерший в 1830 году. Аблай, может быть, брат престарелого султана, управлявший от его имени.

Стр. 117. *Акинбек (Хакимбек)* – сын не Аблая, а Кулана Адилева, ставший после смерти отца родоначальником уйсуней.

Стр. 118. ... *между двух даванов (даваны, монг.)* – горные вершины, перевалы высоких гор.

Стр. 120. ... *надпись на голубом камне кажется с одной стороны – по-монгольски, а с другой – по-азиатски.* – Т.е. надпись арабским письмом.

Стр. 120. ... *случилось замешательство в бытность нашу через 73 года...* – т.е. период, начиная от китайского завоевания Восточного Туркестана до восстания Джангир-ходжи (1825 г.).

Стр. 121. *Сарыколы* – т.е. сарылыки, яки.

Стр. 121. *Машуруки (машуру) шанской* – хотанская полушелковая ткань.

Стр. 125. *Аксак-Марал* – очевидно, имеется в виду город Маралбаши.

Стр. 125. *Садибек* – киргизский манап, одновременно управлявший городом Уш-Турфаном.

Стр. 125. *Орда-нан (буквально: дворцовый хлеб)* – т.е. расходы на приемы и содержание чужеземных гостей и послов.

Стр. 126. ... *не походят на азиатские литеры* – т.е. надписи на камне, не похожие на арабское письмо.

Стр. 127. ... *будто был город тут величайший* – речь идет о затопленном на дне озера Иссык-Куль древнем городе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том III. – Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1964. – С. 306.

² Т.е. Борохуджир.

³ Т.е. *цзян-цзюню*.

⁴ Т.е. *меха*.

⁵ Т.е. *торговли*.

⁶ Т.е. *пленник*.

⁷ Чирганак, т.е. *облетиха*.

⁸ Хаким (хакимбек) – градоначальник, правитель города.

⁹ Т.е. *амбаню*.

¹⁰ Т.е. *бурутов* (киргизов).

¹¹ Анбу, т.е. *амбаню*; акинбеку, т.е. *хакимбеку*.

¹² Т.е. *хаузы* – водоемы.

¹³ Т.е. *Джангир-ходжа*.

¹⁴ Т.е. *Тибет*.

¹⁵ Точнее: *Кашимир*.

¹⁶ Т.е. *индийской*.

¹⁷ Т.е. Андижаном.

¹⁸ Т.е. *андижанцы*.

¹⁹ Т.е. через кочевья саяковцев.

²⁰ Т.е. у манапа тех киргизов, в плену у которых он находился.

²¹ Точнее: *Куча*.

²² Так в тексте.

²³ Имеется в виду Терской-Алатау.

Аннотация

В записках отражена поездка татарского купца Исаева в 1824–1830 гг. в Киргизию. Материал свидетельствует о большом интересе татар к жизни и истории киргизского народа, проживающего более чем в 2 тыс. км от региона проживания татар.

Ключевые слова: озеро Иссык-Куль, остатки древних зданий на дне Иссык-Куля, султан Аблай Адилев, Уш-Турфан, Аксу, Яркенъ, Булгари(я), Тубет, Тибет, Хотан, Куяли (река), река Тюп.